

Джордж Биби: Шанс на мир в Украине

Джордж Биби — бывший директор ЦРУ по анализу России и нынешний директор по вопросам большой стратегии в Институте Куинси. Биби рассматривает возможность дипломатического урегулирования войны в Украине. Требования России высоки, и пространство для уступок невелико, поскольку присутствие НАТО в Украине представляет экзистенциальную угрозу, а Россия одерживает успехи. Цели России по восстановлению нейтралитета Украины, территориальным уступкам и ограничению военных возможностей послевоенной Украины могут быть достигнуты. Европейские лидеры настроены на продолжение войны, однако их также можно привлечь к процессу урегулирования. Читайте Responsible Statecraft: <https://responsiblestatecraft.org/> Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glennDiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glennDiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glennDiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdiesen Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать обратно. Сегодня с нами Джордж Биби, бывший директор ЦРУ по анализу России и нынешний директор по вопросам большой стратегии в Институте Куинси по ответственной государственной политике. Большое спасибо, что нашли время. Когда мы обсуждаем вопрос о завершении войны в Украине дипломатическим путём, мнения всегда сильно расходятся. Одни считают, что конфликт должен решиться на поле боя, потому что стороны слишком далеки друг от друга, а другие полагают, что путь к миру всё ещё существует. Полагаю, ключевая проблема в том, что Россия рассматривает происходящее как процесс, длящийся уже 30 лет, и воспринимает его как экзистенциальную угрозу, что делает её требования очень высокими. Как вы видите путь к миру в этой ситуации?

#George Beebe

Знаете, это интересный вопрос, потому что, если посмотреть на мнение экспертов, до вторжения было много людей, которые не считали его вероятным. Кстати, многие из них находились в самой Москве. Вторжение стало неожиданностью даже для значительной части российского экспертного сообщества. Но на Западе — и я бы сказал, среди основной массы того, что можно назвать внешнеполитическим истеблишментом в Вашингтоне — существовал довольно сильный скептицизм относительно того, что это действительно перерастёт в войну. Думаю, был относительно небольшой круг экспертов, в основном реалистов, которые говорили: «Эта война вероятна; россияне действительно воспринимают возможность какой-

либо военной альянса между Украиной и Соединёнными Штатами или Украиной и НАТО как экзистенциальную угрозу и предпримут крайние меры, чтобы не допустить этого».

Так что существует весьма высокая вероятность того, что это вторжение действительно произойдёт. Но если посмотреть на круг людей, которые говорили: «Эй, это серьёзно — война действительно вероятна, если мы не найдём компромиссный выход», — то очень немногие из них также считают, что какое-либо мирное урегулирование этой войны возможно. На мой взгляд, здесь нужно обратить внимание на один очень важный фактор, который изменился с 2022 года, — это сами Соединённые Штаты. В 2022 году администрация Байдена не хотела идти на компромисс, чтобы найти способ избежать конфликта. Они считали, что идея о том, что НАТО может и должно продолжать расширяться на восток столько, сколько пожелает, и что Россия не имеет права вето, не имеет голоса в этом вопросе, — является важным принципом.

И действительно, гегемония НАТО рассматривалась как основа мирового порядка — считалось, что для того, чтобы мир оставался мирным и стабильным, Соединённые Штаты должны были обеспечить сохранение доминирования западного порядка на глобальном уровне. Они не были готовы от этого отказаться. Однако с тех пор произошло следующее: администрация Трампа выиграла выборы и пришла к власти с совершенно иным взглядом на то, каким должен быть фундамент мирового порядка, как должна выглядеть европейская безопасность, какую роль альянс НАТО должен играть в мире и какую роль сама Америка должна занимать в этом альянсе. Произошёл коренной сдвиг.

И если вы посмотрите на стратегию национальной безопасности США, сразу становится очевидно, что они придерживаются того, что я бы назвал более реалистичным подходом к миру — по сути, утверждая, что великие державы должны находиться в состоянии равновесия и что необходимо найти способ сбалансировать интересы этих держав, когда они вступают в противоречие. Таким образом, требуется сочетание баланса сил и дипломатического взаимодействия. Теперь, если рассматривать войну в Украине через призму этого изменившегося американского подхода, я думаю, это влияет на вероятность достижения компромисса. И я хотел бы отметить то, что многие теперь признают как упущенную возможность: переговоры в Стамбуле между Россией и Украиной, проходившие при посредничестве Турции в первые месяцы после вторжения, когда казалось, что обе стороны приближаются к компромиссу, который мог бы положить конец войне.

Это сделало бы Украину военным нейтралом. Это установило бы некоторые ограничения на военные возможности Украины и решило бы многие другие вопросы между сторонами. И если верить тому, что пишет пресса, многие говорили, что украинцы были готовы рассмотреть такой компромисс и почти согласились. Но Запад, в лице Бориса Джонсона из Великобритании, вмешался и сказал: «Да, нас не совсем устраивают предлагаемые условия. Вы можете

добиться большего. Так что давайте продолжим эту войну, будем вести переговоры позже, с позиции силы, и посмотрим, где окажемся через некоторое время». Теперь же, с апреля 2022 года, изменилось отношение Вашингтона.

Представьте, что в апреле 2022 года Белый дом сказал: «Эй, отличное предложение. Вам нужно принять его. Лучше не будет. Вам гораздо выгоднее закончить эту войну, сохранить независимость Украины и сосредоточиться на восстановлении». Ну вот, теперь это произошло. У нас есть администрация, которая заявила: «Мы готовы пойти на компромисс с Россией по ключевому аспекту безопасности в этой войне — а именно по вопросу расширения НАТО, месту России в Европе и месту Украины в Европе». Учитывая это, а также то, что Украина теперь слышит от своего основного покровителя — без которого она действительно не может продолжать эту войну — что ей лучше найти способ для компромисса, я думаю, это в корне меняет ситуацию, с которой мы имеем дело. Это не означает, что мир наступит автоматически.

По-прежнему остаётся множество очень сложных вопросов, которые необходимо решить. Но когда сами Соединённые Штаты говорят: «Знаете что, нам нужно найти выход из этой ситуации», — а у Украины есть веские причины на поле боя, чтобы тоже искать выход, — потому что если эта война продолжится, Украина постепенно утратит перспективу безопасного и процветающего будущего. России нужен выход не потому, что она считает, будто не может победить на поле боя, а потому что с геополитической точки зрения она оказалась в тупике — сильно зависимой от Китая, не способной вести разумный диалог с Европой и Соединёнными Штатами и, как следствие, ослабленной геополитически, гораздо менее влиятельной, гораздо менее способной маневрировать между Востоком и Западом, играя на противоречиях между ними.

Итак, у России, как мне кажется, есть некоторые фундаментальные геополитические причины попытаться найти здесь решение. И нужно задать себе вопрос: если Соединённые Штаты хотят, чтобы это было сделано, если у Украины есть вполне практические причины желать окончания этой войны, а у России — крупные геополитические мотивы для этого, то кто же против? Что стоит на пути? Я бы сказал, что есть группа, которая не хочет, чтобы это закончилось, и именно в этом сейчас суть происходящего. Я бы назвал её старым внешнеполитическим истеблишментом, который утвердился в Соединённых Штатах после окончания холодной войны и доминировал в Европе в её собственном подходе к вопросам безопасности и дипломатии. Это та группа, которая не хочет видеть здесь компромисс.

Это не столько противостояние между Украиной и Россией, хотя, безусловно, там есть серьёзные разногласия. Я думаю, эти разногласия можно преодолеть. Есть способ достичь компромисса, который все смогут принять. Но, знаете, так называемое «болото» — группа, которая определяла внешнюю политику Вашингтона последние три десятилетия, — не хочет видеть такого рода компромисс. Они не хотят закрывать дверь для подхода к европейской безопасности, к мировому порядку, которому они глубоко привержены. Так что путь к миру на самом деле сводится к тому, сможет ли администрация Трампа преодолеть сопротивление

этой старой гвардии, того старого истеблишмента в Европе и США, который по-прежнему не хочет видеть здесь компромисс.

#Glenn

Почему европейцы должны соглашаться на какой-либо компромисс? Потому что, знаете, если бы нам удалось победить Россию, то, по сути, результатом было бы то, что американцы, возможно, остались бы. Тогда у нас за спиной стояла бы Америка, перед нами — мощный украинский щит, Россия была бы ослаблена и снова вынуждена подчиняться. Между тем, если мы проиграем войну, весь постхолодновоевропейский проект построения Европы без России рухнет, и США, скорее всего, переключат внимание на другие регионы. Тогда значение Европы обрушится, и без американского «успокоителя» европейцы, вероятно, начнут распадаться сами по себе. Не будет одной Европы, а появятся многие Европы. Так что, учитывая, что ситуация выглядит как «всё или ничего», при каких условиях европейцы будут готовы согласиться на завершение этой войны?

#George Beebe

Ну, я думаю, Европе нужно столкнуться с реальностью: их оптимальный выбор, как вы его описали, недостижим. Соединённые Штаты этого не допустят. Мы просто не собираемся позволять этой войне продолжаться только ради того, чтобы Европа могла вести боевые действия столько, сколько пожелает, пытаюсь заблокировать будущее, которое ей не по душе. Характер трансатлантического альянса в любом случае изменится. Либо это будет управляемое изменение — управляемый переход, в ходе которого Соединённые Штаты и их европейские союзники постараются организовать что-то менее резкое, менее болезненное, менее разрушительное для всех участников и сохраняющее основные интересы всех союзников, — либо это будет очень резкий, крайне дестабилизирующий переход.

Европа не имеет возможности заставить Соединённые Штаты или администрацию Трампа продолжать придерживаться старого подхода к гегемонии НАТО в Европе и первенству США и Запада в мире. Администрация Трампа движется в другом направлении. Сам мир и соотношение сил в нём меняются в определённую сторону. У европейцев нет силы, чтобы этому помешать. Так что же европейцам даст участие в этом процессе? Думаю, для Европы смысл в том, что поезд всё равно отправится — с ними или без них. Гораздо лучше для них сесть в этот поезд, чем остаться на перроне, что было бы для них гораздо более проблематичной ситуацией в целом.

И они просто не могут поддерживать военные усилия Украины без Соединённых Штатов. У них нет разведывательных ресурсов, чтобы предоставить Украине всё необходимое. У них нет системы спутниковой связи, сопоставимой со Starlink, которая жизненно важна для связи Украины на поле боя. У них нет военно-промышленного потенциала, чтобы поставлять такое количество техники, которое необходимо украинцам для продолжения этого конфликта,

особенно в сфере противовоздушной обороны. Поэтому просто сказать Соединённым Штатам: «Нет, мы справимся сами, и эта война будет продолжаться», — на самом деле не является жизнеспособным вариантом для Европы.

#Glenn

Однако ключевая проблема заключается в том, что мы позволили этим вопросам тлеть на протяжении последних 30 лет, не решая их. Русские заявили, что это представляет для них экзистенциальную угрозу — и они действительно это имели в виду. А теперь, когда они воюют уже четыре года и явно одерживают победу, это, на мой взгляд, поставило их в положение, при котором они не только выдвигают высокие требования к миру, но и могут настаивать на них, не принимая серьёзных уступок. Таким образом, учитывая все их требования — снова, нейтралитет Украины как одно из них — это накладывает строгие ограничения на возможные гарантии безопасности.

Кроме того, послевоенная Украина должна будет иметь более дружественное правительство. Они использовали слово «денацификация», но также говорили о меньшей армии — не о нынешних 800 000. И, наконец, конечно, территориальные уступки. В какой степени вы видите здесь пространство для компромисса? Потому что я не говорю, что компромиссов совсем нет, но мы очень мало знаем о том, что, например, обсуждалось на Аляске — какие обязательства каждая сторона на себя взяла. Так как вы видите это, то есть, какой здесь возможен диапазон? Ведь русским тоже придется, ну, пойти на какие-то уступки. Иначе невозможно будет достичь сколько-нибудь значимого урегулирования.

#George Beebe

Ну да, верно. Я думаю, мы уже видим некоторые уступки со стороны России. Утверждение, что у них были максималистские требования, которые не менялись годами, просто неверно. Одним из моментов, ставших очевидными по итогам саммита в Анкоридже, было то, что Россия предложила территориальный компромисс. До этого саммита их позиция — как её определил президент Путин в своей речи в июне 2024 года — заключалась в том, что все территории, официально аннексированные Россией, должны полностью контролироваться и быть переданы Украине России, чтобы наступил мир. Думаю, на саммите в Анкоридже произошло то, что Путин заявил: они готовы закончить войну по линии соприкосновения в двух регионах, аннексированных Россией — Запорожской и Херсонской областях — в обмен на вывод украинских войск из частей Донбасса, которые они всё ещё удерживают.

Теперь украинцы сказали: «Нет, нам это не подходит». Я думаю, что русские ожидали, что после переговоров в Анкоридже администрация Трампа фактически заставит Украину принять эту сделку. Этого не произошло, и, на мой взгляд, на то есть веская причина. Администрация Трампа справедливо понимает, что если эта сделка будет выглядеть как нечто, навязанное Украине, она не получит поддержки в Вашингтоне — ни в Конгрессе, ни среди представителей

внешнеполитического истеблишмента. Это будет воспринято как несправедливость — капитуляция Украины.

И это не в интересах администрации Трампа, потому что она хочет заручиться поддержкой вашингтонской бюрократии и Конгресса. Я думаю, она представляет себе серию соглашений, которые Сенат действительно ратифицирует. И, по-моему, украинцы хотят этой ратификации. Думаю, и русские тоже. Русские хотят ратификации, потому что одним из ключевых положений этих соглашений будет закрытие двери для расширения НАТО на восток — Украина не станет частью НАТО. И русские хотят закрепить это в форме договора, как юридическое обязательство, чтобы не полагаться лишь на рукопожатие президента, которое в будущем может быть отменено другой администрацией.

Украинцы хотят этого, потому что хотят показать своему обществу, что получили юридически обязывающие гарантии безопасности от Соединённых Штатов. Теперь вопрос в том, можно ли найти компромисс, который будет учитывать «красные линии» России относительно присутствия европейских или американских военных на украинской территории, но при этом даст украинцам достаточные гарантии, что они не останутся одни, если в будущем произойдёт повторное вторжение? Я думаю, ответ на это — да. Просто нужно немного читать между строк.

Но если посмотреть на документ, который был опубликован по итогам переговоров в Париже несколько недель назад, видно, что переговорщики фактически создали трёхуровневую систему, в которой Украина сама несёт основную ответственность за свою оборону — за сдерживание возможного будущего российского вторжения. Именно на ней лежит основная часть этой ответственности. Следующий уровень после Украины — это европейская «коалиция желающих», которая будет обеспечивать Украину военными средствами, необходимыми для поддержания её оборонных усилий. В документе перечислен ряд вариантов, включая прямое военное участие коалиции желающих на территории Украины.

При наличии очевидных признаков повторного вторжения России в Украину, Соединённые Штаты находятся на третьем уровне. В этой схеме США не оказывают Украине прямую поддержку; они поддерживают Коалицию желающих в тех областях, где обладают уникальными сравнительными преимуществами. Ничто из этого не обязывает западных участников соглашения рассматривать нападение на Украину как нападение на самих себя — другими словами, здесь нет буквального обязательства по типу статьи 5. Однако это также не исключает возможности прямого участия западных сил в боевых действиях в случае повторного вторжения России.

Идея заключается в том, чтобы сдержать россиян — создать у них достаточно неопределённости в отношении ситуации, чтобы они опасались возможного прямого столкновения с Западом в случае повторного вторжения, — но при этом учитывать обеспокоенность России тем, что она не хочет видеть на украинской территории американскую или европейскую военную инфраструктуру, которая могла бы быть использована для

нанесения наступательной угрозы против России. Теперь важно, как именно это будет определено. И, как я думаю, часть того, над чем сейчас работают переговорщики, — это конкретные формулировки, касающиеся того, что может послужить поводом для вмешательства коалиции желающих. Как это определить? Эти слова имеют решающее значение в подобной ситуации.

Я думаю, что россияне захотят исключить любое размещение сил «Коалиции желающих» на украинской территории вне контекста возможного повторного вторжения в будущем. Так что, уверен, это одна из вещей, которую переговорщики пытаются определить во всём этом процессе. Но в принципе, можно ли найти компромисс — дать украинцам достаточные гарантии, не создавая при этом у россиян ощущения чрезмерной угрозы? Думаю, да, мы, вероятно, близки к тому, чтобы найти этот баланс. Это непросто, но, по-моему, вполне возможно. И, как мне кажется, переговорщики действительно добились в этом значительного прогресса.

#Glenn

Что интересно в ситуации с Аляской, так это то, что россияне пока не подтвердили готовность пойти на такой компромисс. С другой стороны, они подчеркнули, что Украина должна покинуть Донбасс. Исключив Херсон и Запорожье, можно с уверенностью сказать, что именно это и имелось в виду. Но у меня складывается впечатление, что для россиян основная проблема в том, что любое мирное соглашение фактически станет новым Минском — просто короткой паузой, чтобы Украина восстановила силы, а потом снова начала боевые действия. И, знаете, думаю, именно поэтому они ищут такие гарантии, ведь украинцы, очевидно, хотят втянуть НАТО в эту войну.

Знаете, если у нас будут гарантии безопасности, тогда появится всяческая мотивация сначала восстановить Украину, а затем Украина захочет предпринять шаги, чтобы заручиться поддержкой американцев и европейцев. Но — да, ситуация непростая. Думаю, именно поэтому россияне хотят видеть в Киеве дружественное правительство и ограничения на численность послевоенной украинской армии. Считаете ли вы, что это одна из тех сфер, где россиянам придётся уступить, или здесь возможен какой-то компромисс?

#George Beebe

Ну, я думаю, что вопрос о численности украинской армии на данный момент — это, по сути, ложный след. Сейчас это скорее символически важно, чем практически. Причина в том, что Украина столкнулась с демографическим кризисом. Многие люди бежали от войны, а уровень рождаемости в Украине, если можно так сказать, находится в «зоне смерти». Страна оказалась в ситуации, когда значительная часть населения — это пенсионеры, пожилые люди, которые всё больше зависят от государства, но не могут быть экономически продуктивными — и, конечно, не могут служить в армии. И маловероятно, что Украина сможет содержать большую

постоянную армию, учитывая её экономические обстоятельства и демографический кризис, с которым она сейчас сталкивается. И это не изменится, если только не произойдёт какое-то чудо.

Они получают миллионы возвращенцев, которые бежали в Россию и Европу после начала боевых действий. Им предстоит очень сложная задача — создать постоянную армию численностью более 250–300 тысяч человек. Поэтому вопрос о том, будет ли мирное соглашение предусматривать армию в 600 тысяч или 800 тысяч человек — и что на это скажут россияне — на практике, как мне кажется, для России не имеет большого значения. Если россияне захотят сделать символический жест в сторону украинцев и сказать: «Хорошо, вы хотите армию в 800 тысяч человек на бумаге в этом соглашении? Нас это устраивает», прекрасно понимая, что для Украины это полная иллюзия, думаю, они могут на это пойти. Не думаю, что их действительно беспокоит перспектива большой постоянной армии в Украине.

Больше всего их беспокоит наличие дальнобойного оружия — ударных систем, которые могут быть разработаны или размещены на территории Украины и представлять угрозу для стратегических военных возможностей России. Думаю, это действительно вызывает у них законное беспокойство. Но, знаете, помимо этого — а сюда также входит размещение западных боевых сил и западной военной инфраструктуры на украинской территории — я считаю, что по этим вопросам русские просто не пойдут на уступки. Они проведут очень жёсткие красные линии, потому что это реальные возможности, и они воспринимают их как угрозу. Однако я не думаю, что это непреодолимые препятствия. Мне кажется, у Соединённых Штатов и, соответственно, у Украины есть серьёзные стимулы подходить к этим вопросам прагматично.

#Glenn

Это последний вопрос. Как вы думаете, есть ли какие-либо признаки того, что прекращение расширения НАТО будет распространяться и на другие страны? Ведь ключевая проблема постоянного продвижения НАТО на восток заключается в том, что, когда альянс достигает общего соседства — не только Украины, но и Молдовы, Грузии — там оказываются очень глубоко разделённые общества, где половина населения тяготеет к Западу, а другая половина — к Востоку. И если их поставить перед выбором — «мы или они», это может спровоцировать, может быть, не полноценную гражданскую войну, но, по крайней мере, внутренние конфликты, в которые, конечно, вмешаются и Россия, и НАТО, пытаясь перетянуть их на свою сторону. По сути, то, что мы уже видели на примере Украины. Как не допустить, чтобы эти страны стали будущими прокси? Как вы думаете, можно ли включить это в подобную сделку, чтобы действительно предотвратить повторение такого сценария?

#George Beebe

Да, на самом деле. Если посмотреть на отношение администрации Трампа к расширению НАТО, они скептически относятся к дальнейшему расширению — если не являются его откровенными противниками. Проблема, в которой мы находимся сейчас, заключается в том, что сменявшие друг друга администрации США не рассматривали расширение НАТО как нечто, действительно связанное с жизненно важными национальными интересами Америки. Они никогда не задавались вопросом: жизненно ли важно для безопасности США защищать Грузию — идти на войну с Россией ради защиты Грузии? Жизненно ли важно для безопасности США идти на войну с Россией ради защиты Эстонии? После того как мы приняли страны Балтии в альянс, прошло почти десятилетие, прежде чем Соединённые Штаты и НАТО действительно разработали план их обороны. Мы сделали это только после того, как Эстония подняла руку и сказала: «Эм, вы не думаете, что нам стоит иметь план?»

И реакция в Вашингтоне была примерно такой: «О, да, хорошая идея. Нам стоит это сделать». Что показывает, насколько всерьёз в Вашингтоне относились к идее, что им, возможно, действительно придётся применить статью 5 и защищать новых членов. Мы рассматривали расширение НАТО скорее как идеологическую миссию — попытку преобразовать другие страны, либерализовать их внутреннее управление и установить то, что я бы назвал «натоизацией» мирового порядка. Это не воспринималось как обязательство вступить в войну ради защиты новых государств-членов. Теперь ситуация изменилась, и, думаю, к прежнему пониманию уже не вернуться. Сейчас мы осознаём, что если собираемся принять новое государство в НАТО, нам действительно придётся серьёзно задуматься: стоит ли идти на войну, чтобы защитить это государство?

Является ли для самой Америки критически важным с точки зрения безопасности вступить в войну, чтобы защитить это государство? Думаю, ответ на этот вопрос, для всех возможных стран, которые могли бы захотеть вступить в альянс, будет отрицательным. Если мы действительно посмотрим на эти государства — так вот, жизненно ли важно для безопасности США воевать, чтобы защитить Грузию от России? Ответ — нет, не жизненно важно. Мы знаем ответы на эти вопросы. Поэтому, на мой взгляд, вопрос о том, следует ли продолжать расширение НАТО и захочет ли Соединённые Штаты держать дверь открытой, уже фактически решён. Ответ — нет. И это, в свою очередь, создаёт основу для компромисса с Россией, который выходит за рамки одной лишь Украины. Это открывает возможность переосмысления основ европейской безопасности, трансатлантического альянса и роли России в этом региональном порядке безопасности.

#Glenn

Ну, пока европейцы бьют в барабаны войны, я ценю ваш оптимизм в этом вопросе и очень надеюсь, что ваша оценка верна и мы действительно приближаемся к какому-то соглашению. Большое спасибо, что нашли время. Спасибо.